

Е. А. Вишленкова

ИСТОРИК В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА 1850–1860-Х ГОДОВ

Подъем общественного движения в России 1850–1860-х гг. сопровождался и поддерживался социальной активностью печати. В наступившей тогда эпохе гласности пресса претендовала на роль лидера оппозиционных сил, арбитра в отношениях власти и общества, судьи в социальных конфликтах и эксперта общественных настроений и идей. Публицисты ведущих отечественных изданий задавали тон, стилистику и тематику разворачивающихся общественных дебатов. А коль скоро к этому времени отечественная история начала восприниматься как фактор национальной и государственной идентичности, то интеллектуальная продукция историков стала объектом их особого внимания.

Причем специфика сложившейся интеллектуальной ситуации заключалась в том, что в условиях социального напряжения предметом публичного обсуждения становились не столько итоги научного труда, сколько личность исследователя, методы его работы. Результатом этого стало обострение вопроса об этических нормах исторической профессии, определение пределов дозволенного и личной ответственности за сказанное. На уровне персональной истории этот процесс сопровождался драматическими ситуациями, и судьба П. И. Мельникова и А. П. Щапова – яркая тому иллюстрация.

Мельников, чиновник особых поручений МВД, и Щапов, бакалавр Казанской духовной академии, привлекли внимание демократической прессы как исследователи старообрядчества (или по терминологии того времени «церковного раскола»). Тогда это была острая тема. Дело в том, что, несмотря на проводимую правительством в течение почти двух столетий политику преследований и гонений, старообрядцы в середине XIX века составляли значительную часть российского общества. Судя по «Статистическим таблицам», их насчитывалось до 8 млн человек¹.

В глазах прессы значение общеразделяемой концепции церковного раскола заключалось не столько в ее научной ценности, сколько в том влиянии, которое она могла оказать на современную политику правительства, на формирование общественного отношения к старообрядцам, и, в конечном счете, на политические перспективы страны.

Со времени своего возникновения в XVII в. «раскол» изучался в рамках церковной истории. Почти два столетия обличительные церковные трактаты («Жезл правления», «Увет духовный», «Пращица духовная») формировали общественную память и официальную политику. В первой половине XIX века в церковной историографии наметилась тенденция рассматривать старообрядчество как естественное для человеческой природы проявление религиозного невежества и суеверия². Это был значительный шаг в направлении толерантности, хотя за рамками церковной концепции остались вопросы отношения старообрядцев к верховной власти, о причинах популярности старой веры среди крестьян.

В 1830–1840-е гг. в светской публицистике интерес к теме стимулировался формированием славянофильской концепции отечественной истории. В противовес официальной версии старообрядцы стали рассматриваться как наиболее прогрессивная часть русского крестьянства. Славянофильски настроенные историки, филологи, публицисты много сделали для сохранения и издания старообрядческой литературы, для привлечения внимания современников к данной проблеме.

Интерес демократической интеллигенции к церковному расколу явился следствием разработки вопроса о роли народных масс в историческом процессе. В революционной среде проблема ставилась в тесную связь с тактическими задачами подготовки политического переворота. Еще в 1840-е гг. в следственных материалах по делу петрашевцев имелись сведения о намерении революционной оппозиции вовлечь старообрядцев в «освободительное движение». Примерно к тому же времени относятся дневниковые записи А. И. Герцена, доказывавшего, что старообрядцы – социально активная часть русского крестьянства. В начале 1860-х гг.

¹ См.: *Пругавин А. С.* Раскол и его исследователи// Русская мысль. Кн. 2. 1881. С. 337.

² См.: *Иоаннов А.* (Журавлев). Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. СПб., 1794; *Руднев Н.* Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838.

революционные демократы пытались создать среди раскольников юга России революционный центр (миссия В. И. и И. И. Кельсиевых).

Правительство изучением церковного раскола занималось в тайне от общественности. Первый секретный комитет по делам раскола был учрежден в 1817 г. при МВД. Он состоял из трех человек, одним из которых был архимандрит Филарет (Дроздов). В правление Николая I состав комитета был расширен за счет введения в него специалистов с научно-исследовательской подготовкой (Н. Надеждин, И. Липранди, И. Сенявин и др.). Их усилиями были проведены первые светские исследования темы, результаты которых в большинстве случаев были секретными³. В качестве чиновника особых поручений МВД начинал свою научную и литературную деятельность и П. И. Мельников. В 1853–1854 г. он возглавлял одну из экспедиционных групп министерства, изучавшую скиты Нижегородской губернии.

Составленный им «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» оказался одним из наиболее глубоких аналитических обзоров проблемы. Вопреки церковному мнению о невежестве старообрядцев, Мельников заверил власти: «грамотность издавна ведется между раскольниками»⁴, «всякий грамотный раскольник всегда уделяет часть своего времени на чтение книг»⁵. Описывая быт нижегородских старообрядцев, Мельников отзывался о них с нескрываемой симпатией. И вместе с тем он предупреждал, что старообрядцы политически неблагонадежны, а сам церковный раскол – это язва на теле государства. Рекомендация Мельникова состояла в следующем: надо предпринять действенные полицейские меры для искоренения раскола. Свои умозаключения чиновник основывал не только на результатах экспедиции, но и на анализе изъятых рукописей и книг.

«Отчет» не был опубликован, так как материалы правительственных экспедиций предназначались для служебного пользования⁶. Но в качестве служебного документа, он был направлен в Синод для ознакомления с ним церковных иерархов. Он сразу же привлек внимание митрополита Московского Филарета, поручившего Казанскому архиепископу Григорию сделать с него конспект⁷. На его основе митрополит написал «Мнения митрополита Филарета о значении раскола в российском государстве»⁸. Так мельниковская концепция «оппозиционного раскола» стала официальной версией темы.

Архиепископ Григорий добился от Синода и МВД разрешения познакомиться с «Отчетом» ректора вверенной его попечению Казанской духовной академии. За год до описываемых событий в академии было открыто миссионерское противораскольническое отделение, а потому ректор Агафангел счел, что его воспитанники должны знать новейшие правительственные настроения в отношении раскольников. По своей инициативе он раздал студентам части «Отчета» для переписи. Созданная копия хранилась у ректора вплоть до его отъезда из Казани.

Так случилось, что А. П. Шапов, не зная имени автора «Отчета», познакомился с его идеями. Казалось, сама судьба уготовила Шапову участь исследователя раскола. Он был одним из первых выпускников противораскольнического отделения Казанской академии, а более благоприятных условий для исследования темы трудно было желать. Студенты получали хорошую историко-богословскую подготовку, им прививались навыки текстологического анализа старообрядческой литературы. Кроме того, академическая библиотека располагала уникальным собранием рукописей Соловецкого монастыря и Анзерского скита.

В основу вышедшей в 1858 г. книги Шапова «Русский раскол старообрядства» легла его магистерская диссертация «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядства, во второй половине XVII и в первой половине XVIII века»⁹. Работа основывалась на многочисленных источниках источников, но концептуально мало чем отличалась от трактатов современных Шапову церковных историков. И вряд ли это могло быть иначе.

Основные положения диссертации таковы: раскол сложился из двух начал: несогласия с православной церковью в некоторых богослужебных обрядах и из протеста против новшеств не только церковных, но и гражданских. Реформа церкви была необходима, но против нее восстали невежественные ревнители буквы.

³ См.: *Надеждин Н. И.* Исследование скопческой ереси. СПб., 1845; *Он же.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках / В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 2. С. 70–94; *Он же.* Предания о московских беспоповщинцах. СПб., 1844; *Липранди И. П.* Дело о скопце камергере Еленском. М., 1868; *Его же.* Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект. М., 1860.

⁴ *Мельников П. И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сб. Нижегородской губернской ученой архивной комиссии «В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского)». Н. Новгород, 1910. Т. IX. С. 288.

⁵ РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 751. Л. 67.

⁶ Логично было предположить, что его подлинник хранится в архиве МВД. Однако когда в 1910 году нижегородская архивная комиссия готовила сборник «В память П. И. Мельникова», ей после длительных поисков удалось найти подлинник среди рукописей Виленской библиотеки. Как он попал в Виленскую библиотеку так и осталось загадкой.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 332. Лл. 1–22.

⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1886. Т. IV. С. 297.

⁹ НАРТ. Ф. 10. Оп. 6. Д. 727 («Русский раскол старообрядчества»). Авторизованная рукопись магистерской диссертации А. Шапова 1854–1856).

Согласно существующей в Казани традиции диссертация должна была появиться в академическом журнале «Православный Собеседник». Но после выхода в 1857 г. двух ее журнальных частей¹⁰, Шапов неожиданно прервал издание. Жизнь стремительно шла вперед, и два года в жизни молодого ученого много значили. К тому времени на шаповское понимание темы мощное воздействие оказали идеи А. И. Герцена и выводы прочитанного «Отчета». Они подействовали завораживающе, перечеркнули прежние представления о староверах как религиозных фанатиках, в ином свете представили свидетельства старообрядческих рукописей. Новое видение темы Шапов изложил в наскоро написанном введении к отдельному изданию диссертации.

Раскол,— писал он в нем,— это многозначительное выражение народного взгляда на общественный и государственный порядок России, проявление недовольства низших классов. Шапов считал, что при изучении раскола необходимо раскрыть его «историческую основу, показать те элементы в исторической жизни народа, из которых он сложился».

Книга переиздавалась дважды: в 1858 и 1859 г. С ней Шапов вошел не только в большую науку, но почти сразу оказался в центре внимания демократической прессы. Рецензии на нее появились в «Современнике», «Летописях русской литературы и древности» И. Тихонравова, «Атенею», «Отечественных Записках», «Страннике», «Христианском Чтении».

Уже одно перечисление названий дает представление о возможной и даже необходимой противоречивости появившихся оценок. Метр исторической науки С. М. Соловьев похвалил начинающего исследователя¹¹. «Демократическое» предисловие не обратило на себя внимание ученого. Но именно эклектичность шаповской концепции стала основанием для резкой критики «Современника». Авторы статьи «Что иногда открывается в либеральных фразах!» Н. Добролюбов и М. Антонович назвали рецензируемую работу клерикальной, а предисловие сочли прикрытием реакционных взглядов автора¹². После ее выхода в защиту Шапова выступил К. Н. Бестужев-Рюмин, который заявил, что критика «Современника» и не научна, и не этична, а молодой исследователь имеет право на собственное прочтение темы¹³.

В следующем, 1860 г., «Современник» вновь вернулся к шаповскому исследованию¹⁴. На этот раз критика Антоновича была направлена на опровержение высказанного в книге тезиса о невежестве старообрядцев. Для сведущих читателей был очевиден пропагандистский характер рецензии. Демократы стремились завоевать симпатии старообрядцев. В дальнейшем «Современник» стал использовать книгу Шапова для обличения историков-государственников. В рецензии на «Историю государства Российского» С. М. Соловьева Г. З. Елисеев писал, что успех книги «Русский раскол старообрядства» основан на интересе публики к народной истории, который Соловьев игнорирует¹⁵.

Долгое время церковные историки не принимали участия в развернувшемся на страницах прессы обсуждении темы и книги молодого академического ученого. Возможно, это было связано с осознанием того, что историографический феномен шаповской книги раздут искусственно. Наконец, в 1861 г. в «Христианском Чтении» появилась статья И. Нильского «Несколько слов о происхождении раскола»¹⁶. Характерно, что по поводу книги Шапова Нильский высказал только частные замечания, не касаясь сути обсуждаемой концепции.

Но, если для «Современника» шаповская концепция была клерикально-консервативной, то обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой, напротив, считал, что «книга сия, написанная с некоторым знанием дела и искусством, по направлению своему может произвести много зла»¹⁷. Посему граф предлагал митрополиту Филарету книгу запретить, а цензора, пропустившего ее, наказать.

Митрополит же, как опытный политик, спешить не стал. С мнением обер-прокурора он, может быть, и был согласен, но вот подбрасывать дров в разгоравшийся общественный костер считал делом опасным. Да и правительство в эти годы проводило либеральную политику. Потому он поручил профессору Петербургской духовной академии А. Горскому написать на книгу опровержение. Несмотря на вполне определенную установку, рецензия Горского в целом оказалась для Шапова благоприятной. Отметив некоторые недостатки исследования, автор

¹⁰ См.: Шапов А. П. О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядства, во второй половине XVII и в первой половине XVIII века // Православный Собеседник. 1857. Кн. 3. С. 629–855; Кн. 4. С. 857–980.

¹¹ См.: Соловьев С. М. Уния, казачество и раскол // Атений. 1859. Т. 2, № 8. С. 393–420.

¹² См.: Антонович М. А., Добролюбов Н. А. Что иногда открывается в либеральных фразах! // Современник. 1859. Т. 77, № 9. С. 37–52.

¹³ См.: Бестужев-Рюмин К. Н. Несколько слов по поводу статьи «Что иногда открывается в либеральных фразах!» // Отечественные Записки. 1859. Т. 127, № 11. С. 37–42.

¹⁴ См.: Антонович М. А. Материалы для истории простонародных суеверий // Современник. 1860. Т. 81, № 6. С. 193–216.

¹⁵ См.: Грыцько (Елисеев Г. З.). Исторические очерки // Современник. 1860. Т. 84, № 11. С. 61–84.

¹⁶ См.: Нильский И. Несколько слов о происхождении раскола // Христианское Чтение. 1861. Февраль. С. 89–160.

¹⁷ Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета. С. 541.

заклучил, что «взгляд Шапова верен, и в отношении историческом – безукоризнен»¹⁸. Филарет рецензией остался недоволен, но от запрета на книгу отказался и постановил лишь отклонять ее последующие издания. На этом основании Шапову было отказано в третьем переиздании «Русского раскола старообрядства».

В то время мельниковскую концепцию раскола пресса не обсуждала. Ведь читателю были известны лишь художественные рассказы Андрея Печерского (литературный псевдоним П. Мельникова), а заявить авторские права на обсуждаемую в прессе концепцию Мельников не мог. К тому же после воцарения Александра II он в духе возобладавших толерантных настроений отказался от вывода о политическом характере старообрядческого движения. В 1857 г. Мельников составил для МВД «Записку о расколе». В соответствии с новыми настроениями власти старообрядцы предстали в ней верными подданными, носителями иного религиозного мирозерцания. Преследовать их, утверждал теперь Мельников, бесполезно и вредно, не розги, а терпение и уважение искоренят раскол. На «Записку» также был наложен гриф – «секретно».

Между тем в демократической публицистике к Мельникову как представителю власти сложилось негативное отношение. В 1858 г. Герцен писал о нем в «Колоколе»: «Правда ли, что нижегородский литератор, переведенный в Петербург за изящный стиль, – г. Мельников готовит к печати рассказ своих апостольских подвигов, иже на обращение заблудших братий раскольников направленных?» Сквозь призму этих строк оценивались и литературные сочинения Андрея Печерского.

Ситуация еще более обострилась в 1860 г., когда в Лондоне вышел «Сборник правительственных сведений о раскольниках», где была опубликована его «Записка о расколе». Чтобы сориентировать читателя и заявить свою бескомпромиссную позицию, в предисловии к изданию В. И. Кельсиев писал: «г. Мельников делает донос... И не только делает доносы, этого мало – Мельников собственноручно подсылал шпионов и вламывался в дома раскольников, когда состоял на службе в Нижегородской губернии»¹⁹.

В марте 1861 г. после выхода в свет рассказа Мельникова «Гриша», Герцен в письме Шелгунову заметил: «Читал повесть Печерского (Мельникова) «Гриша». Ну скажите, что же это за мерзость – ругать раскольников и делать уродливо смешными? Экой такт»²⁰. Демократы не намерены были делать вид, что не знают о служебном поприще Андрея Печерского.

Натравливание прессой двух исследователей старообрядчества друг на друга началось после выхода «Земства и раскола» Шапова и «Писем о расколе» Мельникова.

Со времени публикации «Русского раскола старообрядства» в жизни Шапова произошли сильные изменения. Участие в Куртинской панихиде, следствие по этому делу и последовавший за тем арест прервали работу молодого бакалавра в академии и Казанском университете. Вместе с тем после освобождения из-под ареста он был приглашен на службу в Петербург в отделение по делам раскола МВД. В определенном смысле для исследователя это было повышение и могло стать началом новой карьеры. Во всяком случае так восприняли это многие его друзья. В отделении по делам раскольников кроме Мельникова тогда служили М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Даль, А. Г. Вишняков.

Журнальный вариант книги «Земство и раскол» появился в «Отечественных Записках» в 1861 г. Развивая высказанную в предисловии к первой монографии мысль и вторя оппозиционной журналистике, Шапов писал о расколе как о «могучей, страшной оппозиции податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского»²¹. Уверовав в мысль Герцена о старообрядческих общинах как демократических объединениях, Шапов указывал, что церковный раскол не случайно отстаивает земские формы управления. В старообрядческом социальном идеале, по его мнению, воплотилась мечта о народосоветии, народовластии и воспоминания о земстве как оппозиции централизации, а значит закреплению. Идеалы старообрядцев, уверял исследователь, не в прошлом, а в будущем.

Доказательством гражданского демократизма раскола Шапов считал связь старообрядчества с бунтом Разина, Соловецким восстанием, стрелецкими бунтами и возмущением Пугачева. Этот тезис почти дословно воспроизводил текст из мельниковского «Отчета»: «Что раскольники способны принять участие в каких-либо внутренних государственных потрясениях – доказательством этого служит история раскола...» – писал в свое время Павел Иванович. – Они были в шайке Разина, они 10 лет мятежничали в Соловецком монастыре, они были главнейшими участниками в Стрелецких бунтах, они ворвались в Грановитую Палату с Никитию Пустосвятом, они умышляли на жизнь Петра Великого, они бунтовали с Булавиным, убийцы митрополита Амвросия, и Пугачев со своими сообщниками был раскольник»²².

¹⁸ Горский А. Русский раскол старообрядства. Соч. А. Шапова // Странник. 1860. Т. 1. Март. С. 78–86.

¹⁹ Кельсиев В. И. Предисловие // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1. С. XXXVIII.

²⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1963. Т. 27, ч. 1. С. 41.

²¹ Шапов А. П. Земство и раскол. СПб., 1862. С. 29.

²² Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии. С. 231.

Щапов иллюстрировал выводы обильными цитатами из старообрядческих рукописей. Подобно Мельникову он считал, что старообрядческие догматы это только оболочка, под которой раскол скрывает свои истинные цели. Кроме того, Щапов заимствовал или воспринял еще одну мельниковскую идею – о широкой грамотности среди староверов. Известные современникам исследования раскола были полны эпитетами типа: «невежды», «фанатики», «приверженцы мертвой буквы». Щапов и сам клеймил в старообрядцах неприятие образования. Однако в новую концепцию такой образ старовера не вписывался, да и «Современник» критиковал его за это.

Мельников вполне мог бы считать Щапова своим последователем, если бы не два «но»: во-первых, к 1861 г. Мельников уже отрекся от выводов, сделанных в «Отчете»; второе «но» – в отличие от Мельникова Щапов приветствовал и стимулировал антиправительственную борьбу старообрядцев. Все это породило сложные отношения между исследователями.

В 1862 г. в газете «Северная Пчела» Мельников опубликовал «Письма о расколе». Первое письмо посвящено обзору имеющихся по проблеме источников и литературы. Здесь мы впервые встречаем мельниковскую оценку Щапова как исследователя раскола: «Что касается сочинения А. П. Щапова (имелась в виду его первая книга. – Е. В.), то, конечно, это лучшее из всех доселе вышедших в свет сочинений о расколе, несмотря на некоторые недостатки, неизбежные для студентов, еще мало знакомых с действительной жизнью раскола»²³. Судя по тону, Мельников видел в Щапове начинающего исследователя и относился к нему с покровительственной доброжелательностью. Правда, тут же, в примечаниях, он не выдержал и подметил, что «по счастливому стечению обстоятельств» Щапов при написании диссертации воспользовался его «Отчетом»²⁴. Мельников еще не был знаком с текстом «Земства и раскола», он лишь упоминал, что ему известно о намерении Щапова опубликовать новое исследование.

Главный вывод «Писем о расколе» – у старообрядцев «нет никакого политического будущего»²⁵, а потому правительство должно отказаться от их преследования. «Что бы ни предстояло России в будущем, – писал Мельников, – раскольники, по духу своих верований, не только не способны быть политическими деятелями, но даже орудием таких деятелей»²⁶. Это противоречило революционным ожиданиям оппозиции.

Для анализа развития отношений двух исследователей важна концовка пятого, последнего письма, написанного после выхода в свет «Земства и раскол». Мельников не мог не увидеть истоков щаповской концепции. При этом Щапов так использовал мельниковские идеи, что они звучали революционным призывом. Карьера Мельникова и без того пошатнулась благодаря выступлениям Герцена, а тут еще новый удар. Предугадать реакцию властей на книгу «Земство и раскол» Мельникову было не трудно, но и властям не составляло сложности провести параллель между щаповским исследованием и мельниковским «Отчетом».

Мельников постарался отмежеваться от Щапова и его умозаключений: «Анализировать раскол теперь еще преждевременно...– заявил он,– Пускаться же в пышные разглагольствования о расколе по отношению его к земству и пр., искажая на каждом шагу исторические факты, пускаясь в неудержимые фантазии и для красного словца жертвуя чуть не на каждой странице истиной и уважением к науке, считаю делом нечистым и недобросовестным, для какой бы цели это не было сделано»²⁷.

Общественность встретила книгу Щапова восторженно. Зараженный общим настроением, библиограф газеты «Сын Отечества» и, между прочим, коллега Мельникова по МВД А. Г. Вишняков писал: «Щапов прав и его взгляд долго и долго проживет в нашей лучшей литературе»²⁸. И далее рецензент сопоставил мельниковскую и щаповскую концепции. Характеризуя «Письма о расколе», он отметил, что «ложная, «нашим и вашим», постройка писем не осталась для книжки без последствий. Мельниковские «письма» представляют собой слишком резкий контраст статье Щапова, и служат образчиком умеренного, так называемого либерализма»²⁹. В служении истине, считал рецензент, такой умеренный либерализм мало пригоден. Умеренность не была тогда в цене. Журналисты и читающая публика желали крайностей, контрастных тонов.

Для «Современника» на эту тему была написана статья Н. Шелгунова «Журнальные споры» или «Русское слово». Оценивая книгу Щапова, рецензент опроверг вывод о борющемся, протестующем характере раскола: «воплъ был большой и повсеместный, но никакой силы, энергии и «мощи иной жизни». Но по ряду причин статья так и не появилась на страницах журнала.

²³ Мельников П. И. (Печерский) Письма о расколе // Собр. соч.: В 8 т. М., 1976. Т. 8. С. 9.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Там же. С. 60.

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Вишняков А. Г. Новая литература по расколу // Сын Отечества. 1862. XLIV. С. 1071.

²⁹ Там же. С. 1074.

Рецензия на «Земство и раскол» вышла в «Современнике» в 1863 г.³⁰ Она была академически сдержанной. Ее автор А. Н. Пыпин главным недостатком исследования счел пристрастность автора. Более радикальной по духу была статья Н. Я. Ветвицкого «Чиновничий элемент в разработке русской истории», опубликованная «Библиотекой для чтения». Автор сопоставил взгляды Шапова и Соловьева на раскол, земство и бунты и пришел к заключению, что не стоит «проводить невыгодное сравнение для г. Соловьева между его схоластическими пунктами историческими и живым исследованием г. Шапова»³¹. И хотя статья была откровенно поверхностной и не тактичной, примечательно, что Шапов искренно гордился ею.

Соловьев же, всю жизнь подчинивший служению науке, был задет таким выпадом. Его рецензия на «Земство и раскол» появилась в майском номере «Современной летописи» за 1863 г.³² Она небольшая по объему. Соловьева удручил популизм Шапова. Но критика его была направлена не на это, а на небрежное, вольное обращение исследователя с источниками, а также на идеализацию старообрядчества.

Политическая ангажированность, слабость внутренней автономии сыграли в конечном счете роковую роль и в карьере Мельникова, и в судьбе Шапова. В разгоревшейся в 1862 г. журнальной перепалке между «Современником» и «Северной Пчелой» удары посыпались на Мельникова один за другим. В апрельской книжке «Современника» Г. З. Елисеев писал: «Павел Иванович – хоть человек и с дарованием, но с дарованием сложившимся и вполне высказавшимся. Письма его о расколе доказывают, что от него ждать более нечего... Павел Иванович может подарить нам ученейшее сочинение о расколе, но сочинение это все-таки будет по своему штандпункту и тенденциям ничем не выше «Жезла правления», «Увета Духовного» или «Пращицы Питирима»³³.

Елисеев знал, о чем писал. За его плечами были годы преподавательской работы в Казанской духовной академии. Мельников же был уязвлен: «Смею думать, – отвечал он, – что взгляд мой не износился, так как со времен «Жезла» и «Увета» во всех сочинениях по русскому расколу говорилось совершенно противное моим словам»³⁴. И далее камень полетел в адрес научного соперника: «конечно, – писал оскорбленный исследователь, – можно сделать и доказать, например, что в раскольниках есть присутствие демократизма. Чего нельзя доказать? Нужна только известного рода ловкость... Цель оправдывает средство, скажете вы»³⁵.

А между тем книга «Земство и раскол» переполнила чашу терпения властей. В ноябре 1862 г. А. Н. Муравьев писал: «Книга А. Шапова «Земство и раскол» от начала до конца проникнута мятежным духом, который обнаруживается в самых резких выражениях, и суть книги заключается в изображении раскола «как протеста против правительства»³⁶. И в этом заключении Муравьев почти дословно воспроизводил оценку оппозиционной печати.

В декабре того же года Шапов был привлечен по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Он подвергся допросу в III Отделении. И на этом дело для него, казалось, кончилось. Однако жизнь Шапова в столице была слишком неблагонадежна, а революционность книги для властей очевидна. Весной 1863 г. ученого сослали в Иркутск.

Развенчать историографический миф и низвергнуть марионеточного кумира радикальной оппозиции взялся профессор Петербургской духовной академии И. Нильский. И надо сказать, к делу подошел основательно. Он съездил в Казанскую академию и проверил источники, которыми пользовался Шапов³⁷ и написал рецензию, которая по объему рецензия соответствует самостоятельному исследованию. Правительство и церковные власти придавали ей большое значение, ведь речь шла о борьбе за политические настроения миллионов старообрядцев. Вскоре после публикации в журнале «Христианское чтение», рецензия вышла отдельным изданием³⁸.

Ее начало выдержано в корректном тоне научной полемики, но затем в тексте проскальзывают фразы, выдающие авторскую пристрастность: «взгляд Шапова опасен и неправдоподобен»³⁹, «Шапов клеветает на раскол»⁴⁰ и т. д. И следом шло обращение к мельниковской концепции: «мы вполне согласны с г. Мельниковым»⁴¹. Нильский считал, что по

³⁰ См.: Пыпин А. Н. Рецензия // Современник. 1863. Т. 95, № 3. С. 110–122.

³¹ Ветвицкий Н. Я. Чиновничий элемент в разработке русской истории // Библиотека для чтения. 1862. Т. 174, № 12. С. 132.

³² См.: Соловьев С. М. Земство и раскол. Соч. А. П. Шапова. Вып. I // Современная летопись. 1863. № 5. С. 5–6.

³³ Современник. 1862. Т. 92, № 4. С. 305.

³⁴ Мельников П. И. Письма о расколе // Северная Пчела. 1862. 29 мая. С. 1.

³⁵ Там же.

³⁶ Муравьев М. В. Письмо к влиятельному лицу // Русский архив. 1882. Кн. 3, № 6. С. 211.

³⁷ См.: Ивановский Н. И. Бракоборцы и брачники в старообрядческом расколе (По поводу сочинения «Семейная жизнь в русском расколе» И. Никольского. 1869) // Православный Собеседник. 1870. Ч. I. С. 325.

³⁸ См.: Нильский И. Несколько слов о русском расколе (По поводу брошюры: «Земство и раскол» А. Шапова) // Христианское Чтение. 1864. Ч. II. С. 43–97, 259–302, 371–428.

³⁹ Там же. С. 420.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Там же. С. 423.

своему духу, исследования Щапова имеют пропагандистский антигосударственный характер. И плохо то, что они оказались столь популярны, а власти столь терпеливы. У рецензента не было сомнений, что историографический феномен Щапова был создан распоясавшейся прессой. При этом он процитировал Вишнякова, назвав его статью панегириком Щапову⁴².

Видимо, обвинение Нильского всерьез насторожило, если не испугало Вишнякова. Демократическая волна спала, «Современник» был запрещен, Щапов выслан, его взгляды объявлены опасными. В то же время чиновнику МВД было что терять. У него неплохо складывалась карьера, и осложнения были вовсе ни к чему.

Весной 1865 г. в журнале «Дух Христианства» он опубликовал отзыв о рецензии Нильского. С одной стороны, выдерживая лицо, Вишняков заявлял: «Мы и теперь не возьмем сказанных нами слов», а с другой – делал реверанс: «Нильский выставил себя достойным противником Щапова, и мы также приветствуем его появление»⁴³. Король умер, да здравствует король!?

При всем том Вишняков чувствовал себя крайне неловко. Статью в полторы странички он подписал инициалами «А. В.» и поместил в специальном духовном журнале. Его рецензия на «Земство и раскол» заняла 10 газетных страниц и помещалась в центральной еженедельной газете за полной фамилией автора.

Итак, щаповская концепция была разоблачена и запрещена. Но и Мельников-чиновник был скомпрометирован. В 1866 г. он подал в отставку и переехал в Москву. К проблеме раскола и Мельников и Щапов еще вернуться.

Пережив в Сибири духовную драму и разочарование, Щапов написал статью «Умственные направления русского раскола»⁴⁴. В ней историк отказался от теории борьбы раскола за земские права и рассматривал его как показатель и проявление умственного развития народа. Но исследование не вызвало читательского интереса.

Мельников в том же году в журнале «Русский Вестник» поместил статью о скопцах «Белые голуби», в которой вновь вспомнил старые обиды и упрекнул «Православный Собеседник» и его сотрудников в использовании «Отчета» 1854 года⁴⁵. Очевидно, уйдя в отставку, Мельников перестал опасаться за свою карьеру, и теперь литературные амбиции возобладали над чиновной осторожностью. Ему явно хотелось заявить свои авторские права.

Обвинение Мельникова спровоцировало печатную полемику об этических нормах профессии, и в частности о критериях определения компиляции и научной новизны, об отношении к источникам. Заступаясь за сосланного однокурсника, И. Добротворский писал: «Встреченная в свое время одобрительно в литературе книга его говорила сама за себя бесчисленными ссылками на источники»⁴⁶. Что касается обвинений в плагиате, то со стороны Мельникова было неэтично скрывать от ученых уникальные материалы, которые он добыл, используя служебное положение. Добротворский упрекнул оппонента в том, что он «прячет свои богатые материалы по расколу и потом несправедливо обвиняет других в пользовании ими»⁴⁷. Казанского коллегу поддержали и другие исследователи раскола. В этой связи Н. И. Барсов высказался еще более категорично: «г. Мельников, – писал он, – по нашему мнению, сделал бы гораздо лучше, если бы вместо того, чтобы сочинять на скорую руку свои компиляции из драгоценных материалов, какими он располагает, напечатал бы эти самые материалы в их полном составе»⁴⁸.

Похоже, демократическая пресса сделала свое дело, и за Мельниковым устойчиво закрепилась негативная научная репутация. Осознавая это, бывший чиновник особых поручений оставил научное поприще и сосредоточился на создании художественных романов о жизни раскольников.

Такова история двух концепций церковного раскола, таковы судьбы двух его исследователей. Почему именно Мельников и Щапов оказались жертвами демократического подъема? Одна из причин в политически заостренной актуальной теме их исследований. Как бы ни была самоуверенна публицистика, ее средства ограничены. Церковный раскол требовал от пишущего на эту тему профессионализма: умения читать и понимать церковнослужебную литературу, рукописи на церковнославянском языке, разбираться в богословских тонкостях старообрядческих споров. Зыбкая надежда революционных демократов на участие староверов в революционном движении предполагала корректную пропагандистскую работу. Потому и «Современник» и «Колокол» предпочитали высказываться на эту тему в жанре литературной и научной критики.

⁴² См.: Нильский И. Несколько слов о русском расколе. С. 46.

⁴³ А. В. Несколько слов о русском расколе (по поводу брошюры «Земство и раскол» А.Щапова) И.Нильского // Дух Христианина. 1865. № 6. Отдел II. С. 224,225.

⁴⁴ См.: Щапов А. П. Умственные направления русского раскола // Дело. 1867. № 10. С. 319–348; № 11. С. 138–168; № 12. С. 170–200.

⁴⁵ См.: Мельников П. И. Белые голуби // Русский Вестник. 1868. Т. 80, Февр.; Т. 81, Май

⁴⁶ Добротворский И. К вопросу о людях божьих // Православный Собеседник. 1870. Янв. С. 15–16.

⁴⁷ Добротворский И. К вопросу о людях божьих. С. 30.

⁴⁸ Барсов Н. И. // Христианское Чтение. 1869. № 9. С. 436.

Все это объясняет точку зрения оппозиционной журналистики, но не проясняет ее выбора. Ведь среди однокурсников Щапова была целая группа исследователей церковного раскола, которые, тем не менее, не были вовлечены в политические игры. А потому следующее условие выбора – персональное. Для радикальной прессы Мельников олицетворял прикормленного властью исследователя. Сквозь призму этого воспринимались все публикации А. Печерского. Разоблачить реакционность и ангажированность такого писателя для демократов был долг святой.

Со Щаповым было сложнее. Очевидно, поначалу щаповская версия темы оппозиционной прессой не воспринималась как антитеза официальной концепции. И, действительно, таковой не была. Но для Щапова отклики демократических публицистов, и прежде всего «Современника», создали ситуацию выбора. Тому, что исследователь поддавался искушению политического ангажмента, обольстился популизмом, способствовали его низкое социальное происхождение, слабая включенность в академическую среду, культурно-психологические особенности личности. Молодой бакалавр духовной академии вступил в игру, правил которой не знал. Потому и ставка оказалась столь высокой. Вероятно, в истории науки такие ситуации «штатны», оппозиционный подъем 1850–1860-х гг. лишь довел ее до крайности, ускорил развязку событий.

Когда стало ясно, что старообрядцы надежд революционной демократии не оправдали, а правительство перешло в наступление на оппозицию, тема раскола перестала интересовать демократическую печать. В 1870-е гг. о сосланном Щапове забыли. Лишенный возможности работать с источниками, вырванный из интеллектуальной среды, историк еще пытался писать, но его не читали, о его публикациях молчали. Психологически и морально Щапов умер раньше, чем физически.

Мельников-Печерский и Щапов возродились в коллективной памяти соотечественников в середине XX столетия: первый – национальным бытописателем, второй – по иронии научной судьбы – историком революционно-демократического направления. В этой новой жизни их судьбы разошлись.